

СЕМАНТИКА СОСТАВНОГО КАЛЕНДАРНОГО ОБРЯДА ПОМАНА НА БОБОШАРКЪТЪ У БОЛГАР РУМЫНИИ: СТАРАЯ И НОВАЯ АРХАИКА

Ольга Владимировна Трефилова

*Институт славяноведения РАН (Москва)
o.trefilova@inslav.ru*

Во время экспедиций 2013 и 2016 гг. в болгаро-румынское село Бэлень-Сырбь, округ Дымбовица (Мунтения), община Бэлень (Băleni-Sârbi, comuna Băleni, județul Dâmbovița, Muntenia, 70 км северо-западнее Бухареста), были собраны материалы по традиционной народной культуре по программе «Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала», составленной А. А. Плотниковой (Плотникова 1996): календарная, семейная, хозяйственная обрядность, мифологические представления. Село состоит из двух частей; в одной проживают румыны (ранее это было село Бэлень-Ромынь), в другой — болгары (собственно с. Бэлень-Сырбь), переселившиеся из Северо-Западной Болгарии в Валахию около двухсот лет назад и сохраняющие архаичный болгарский диалект, традиционную духовную и материальную культуру. Экспедиции проводились в болгарской части села.

Среди календарных обрядов болгар был зафиксирован необычный двухчастный ритуал *помана на бобошъркътъ*, который представляет собой контаминацию обрядов изгнания болезни и возжигания поминальных весенних костров. Название *бобошърка* — это искаженное болг. *Баба Шърка*, эвфемистическое обозначение оспы, сейчас обычно ветряной, персонификация которой характерна для всей территории метрополии (т. е. Болгарии). Возможно, возникновение этой номинации обусловлено паронимической аттракцией *баба* → *боб(о)* вследствие созвучия с *боб* ‘фасоль’¹, что привело к переосмыслению слова, получившего внутреннюю форму «фасолевидный узор», см. ниже о запрете готовить для трапезы в честь *бобошърки* фасоль, которую уподобляют оспенным папулам из-за внешнего сходства с ними. Первая и основная

¹ Благодарю И. А. Седакову за указание на этот момент.

часть обряда *помана на бобошъркътъ*, который описывают информанты, проходит ночью, однако весь двухчастный обрядовый комплекс получил название по ритуалу, который совершается утром грядущего дня. Слово *помана* (от рум. *potână* ‘милостыня, подавание’, ‘милость, благодеяние’, ‘поминки’, ‘поминальные дары’ — DRR: 983) у болгар Румынии имеет те же значения, что и в румынском языке², поэтому название *помана на бобошъркътъ* можно перевести и как «поминки (трапеза) по оспе», и как «дар, подношение оспе» с целью умиловить персонафицированную болезнь.

В первой части, в ночном обряде, участвуют только женщины (болгарки), которые собираются на болгарском кладбище села рядом с церковью. В селе две церкви — в каждой части села, румынской и болгарской, своя — и, соответственно, два кладбища, болгарское и румынское; оба кладбища располагаются внутри церковной ограды. Церковь в болгарской части посвящена свт. Николаю (ранее было посвящение преп. Параскеве), кладбище от нее отделяет церковный двор; фактически церковь, двор и кладбище составляют единое пространство. В ночь на Женмироносиц (третье воскресенье по Пасхе), с субботы на воскресенье, женщины, обычно 20–30 человек, разводят на кладбище костер. Каждая женщина для этого приносит по два-три полена. У костра собравшиеся поют паралитургические песни по-румынски до тех пор, пока не пропоют первые петухи. Затем женщины обходят кладбище, кадят все могилы, возглашая над каждой по-румынски: *Hristos a înviat — Adevărat a înviat!* ‘«Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!»’ — и раздают друг другу поминальные дары за помин души усопших, произнося уже по-болгарски: *Да се намэри на (имярек)!* ‘Пусть окажется [подразумевается: на том свете] у имярека (имя поминаемого)!’, например: *Да се намэри на Сафта!* ‘Пусть окажется у Сафты!’ Это выражение у валашских болгар представляет собой традиционную формулу, которой сопровождается любая раздача поминальных даров. Переключение языковых кодов — с румынского на болгарский — обусловлено использованием того или иного языка в соответствующей сфере: богослужение совершается по-румынски, а в традиционной культуре сохраняется болгарский язык (диалект). Около 4 часов утра женщины возвращаются домой.

С утра после воскресной литургии в церковном дворе устраивают трапезу «для оспы» — задабривают демона болезни: *прáим помáньтъ*

² Верифицировано во время полевого обследования.

на *бобошаркът* ‘совершаем поминки по оспе, делаем подношение оспе’. Двух детей, мальчика и девочку, одевают в новую чистую одежду, готовят еду, и после воскресной службы в церковном дворе ставят стол и устраивают трапезу, «чтобы дети не болели оспой», а заболевшие быстрее выздоравливали. Мальчика и девочку угощают, а затем отводят домой. Дети за трапезой молчат — присутствуют за столом как обрядовые персонажи. «Поминальный» стол, утренняя часть обряда, дал название всему комплексу *помана на бобошаркът*, причем этим термином информанты обозначают в первую очередь ночное бдение женщин на кладбище. Для трапезы запрещается готовить фасоль. Этот запрет, очевидно, обусловлен внешним сходством фасоли с оспенными папулами и везикулами, и его можно интерпретировать как апотропейную практику³. Скорее всего, изначально ритуал *помана на бобошаркът* был призван задабривать (и, как следствие, изгонять) демона натуральной оспы (болг. эфемист. *едра шарка*, букв. ‘крупный узор’) как тяжелой, не поддающейся лечению болезни, но сейчас, когда оспа во всем мире побеждена, считают, что изгоняют ветрянку. Практика изгнания и задабривания болезней хорошо известна в карпато-балканском ареале, в качестве календарного обряда она фиксируется реже и касается в основном пандемий, ср. в румынском ареале *potana la ciuță* (*potana ciuții*, *potana ciuților*) ‘подношение чуме’ (Golant 2022: 222–223).

Двухчастный ритуал, который осмысливается как единый, можно интерпретировать как календарный поминальный и календарный апотропейный, связанный с задабриванием демона болезни, когда-то смертельно опасной. В первой части обряда присутствует поминальный костер: весеннее поминовение усопших, сопровождающееся разложением костра, который «грел» умерших, встречается и у славян, и у румын. Этот семантический пласт — поминальный — является, очевидно, самым древним. Однако поминальные костры у славян, а также у румын разжигались обычно в предпасхальный период — чаще всего в Великий четверг (Агапкина 2002: 270–271; Гребенарова 2009: 151–152; Бизеранова 2013: 352–354). То, что в обследованном селе костер «для мертвых» разжигают в пасхальный период, а не в Великий четверг, может

³ Тот же запрет — не варить фасоль и чечевицу, чтобы не рассердить *Бабу Шарку*, — известен всем региональным традициям Болгарии. В Болгарии ритуалы задабривания демона оспы совершаются обычно в день св. Варвары, так как считают, что оспа посылается св. Варварой, которая ее носит на руках, иногда св. Варвару отождествляют с *Бабой Шаркой* (Странджа 1996: 235, 308).

быть связано с верованиями, широко распространенными в карпато-балканском ареале, о пребывании душ умерших на земле от Великого четверга до Пятидесятницы, для которых, видимо, первоначально и предназначался этот костер, ср. (Гребенарова 2009: 151).

Вторая часть ритуального комплекса, давшая ему название, представляет собой календарный обряд изгнания демона болезни. Его прикрепление к календарным поминальным практикам могло произойти вследствие многозначности термина *помана* и семантической аттракции: название *помана на бобошъркът* было осмыслено как в контексте жертвоприношения, так и в поминальном контексте — как ‘поминки по оспе’. На акциональном уровне эта часть ритуала (трапеза) имитирует скорее поминки, чем одаривание. Впрочем, сами поминки могут рассматриваться как жертвоприношение объекту (душе, духу, демону), для которого устраивается трапеза, поэтому семантика поминовения не противоречит семантике подношения. В свою очередь, апотропейная семантика второй, утренней части ритуала могла повлиять на семантику первой, ночной части и обогатить ее, придать ночному действию дополнительные смыслы. Учитывая назначение всего обряда, начинающегося с ночного бдения у костра и заканчивающегося трапезой с целью умиловить болезнь, очистить от нее пространство, этому костру можно приписать и очистительную функцию; очистительные костры, разжигаемые в весеннее время, также широко известны в карпато-балканском ареале (Агапкина 2002: 669–671). Во многих регионах Болгарии обряды защиты от оспы также включают разведение костра или действия с огнем: возжигают свечи (Странджа 1996: 308), раздают угощение у костров, разведенных на перекрестках (Пирин. край 1980: 423), перепрыгивают через костры (Этнография на България, т. 3: 96 — окрестности Дупницы, Юго-Западная Болгария). Ранее огонь, в том числе «живой», «новый», использовали и как лечебное средство: проводили сквозь него заболевших оспой людей или скот (Пирин. край 1980: 474–475).

Ночной костер можно квалифицировать и как пасхальный (ср. Агапкина 1999: 621), который разжигали в воспоминание евангельского события, здесь — в прославление жен-мироносиц, ставших первыми вестниками Воскресения Христова на исходе ночи с субботы на день Воскресения. Христианская составляющая в данном случае тесно вплетена в традиционные практики и скорее поглощается ими, однако религиозно-воспоминательную семантику, которую можно усмотреть во

времени (пасхальный период и событие, напрямую отсылающее к Воскресению), месте (церковное кладбище), составе участников обряда (только женщины, ср. с женами-мироносицами у гроба Господня) и их речевом поведении, свидетельствующем о вере в воскресение мертвых и победу над смертью, не следует игнорировать. Таким образом, костер можно трактовать и как поминальный, и как очистительный, и как пасхальный.

Итак, можно говорить о первоначальной поминальной и дополнительной (и не менее архаичной) очистительной, апотропейной и религиозно-воспоминательной семантике двухчастного обряда *помана на бобошъркът*. Совмещение двух архаичных календарных практик, поминальной и отгонной, могло быть обусловлено, с одной стороны, семантической аттракцией (*помана* ‘подношение’ ↔ ‘поминовение’), с другой — семантической близостью поминок и жертвоприношения духам. Апотропейное значение в конце концов возобладало, а поминальный костер присоединился к «поминальной» трапезе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агапкина 1999 — Агапкина Т. А. Костер // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого: в 5 т. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 620–627.
- Агапкина 2002 — Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).
- Бизеранова 2013 — Бизеранова С. Между живота и смъртта. Погребални и поменални обичаи при българи и власи във Видинско. [Враца]: Алексспринт, 2013.
- Гребенарова 2009 — Гребенарова С. Огънят в обредите на българите: етнографско-ареално изследване. София: Етнографски институт с музей — БАН, 2009.
- Етнография на България, т. 3 — Етнография на България: в 3 т. Т. 3: Духовна култура / Ред. кол.: Ст. Генчев и др. София: Издателство на Българската академия на науките, 1985.
- Пирин. край 1980 — Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания / [Ред. колегия: В. Хаджиниколов (отг. ред.), М. Велева, Г. Георгиев, Д. Тодоров]. София: Издателство на Българската академия на науките, 1980. (Етнографски проучвания на България).

- Плотникова 1996 — *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: [Ин-т славяноведения РАН], 1996. [2-е изд., испр. и доп.: М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009].
- Странджа 1996 — Странджа. Материална и духовна култура / Ред. кол.: М. Черкезова (отг. ред.), Р. Попов, С. Райчевски. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1996. (Етнографски проучвания на България).
- DRR — *Dicționar român-ruș* = Румынско-русский словарь / Bolocan G., Medvedev T., Voronțova T. et al. Chișinău: Arc: Gunivas, 2004.
- Golant 2022 — *Golant N.* “Plague shirt” and plague commemoration: mythological representations and ritual practices associated with the personification of the Plague among the Romanians of Oltenia and Timok Valley // *The Yearbook of Balkan and Baltic Studies* / Eds. E. Anastasova, I. Sedakova, N. Vlaskina, I. Stahl. Vol. 5: Memory, tradition, and ritual in the Balkan and Baltic contexts. Vilnius; Tartu; Sofia; Riga: ELM Scholarly Press, 2022. P. 219–235. <https://doi.org/10.7592/YBBS5.09>